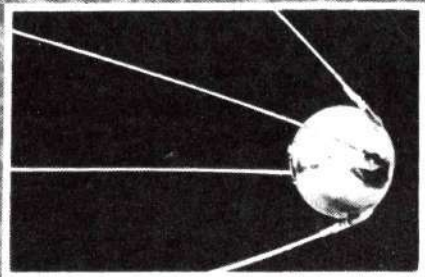

СССР

4 **Кружозор** 71

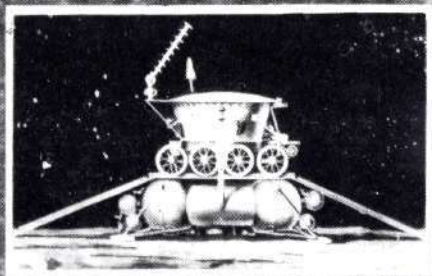
Каждый космический старт отзывается на нашей планете. Улицы, площади, бульвары, названные в честь космонавтов, составят, наверное, целый город. А имя нашего земляка Юрия Алексеевича Гагарина... Оно присвоено горловской шахте и венгерской теплоэлектростанции, Высшей инженерной школе в Польше и лучшей смене прокатного стана на болгарском металлургическом заводе, бригадам московского завода «Красный пролетарий» и океанскому рефрижератору... Кто сможет подсчитать, сколько предприятий, колхозов, совхозов носят имена героев, сколько смен и бригад, в которые зачислены космонавты... Это реальный почин коммунистического труда «Космос — Земля».

СТАРТЫ

Тысячи и тысячи тружеников встали ныне на ударную вахту в честь XXIV съезда партии. У нас, на родине первого в мире летчика-космонавта, верного сына Коммунистической партии Ю. А. Гагарина, десятилетие подвига знаменитого земляка отмечают успехами в труде рабочие совхоза имени Гагарина, рабочие филиала Московского телевизионного завода, где Юрий Алексеевич навечно зачислен в лучшую бригаду и где работает его брат Борис, — отмечают, как и все соотечественники героя, причастные к «земному космосу». Прав поэт, сказавший:

И как дар человечеству — каждый звездный успех...
Для рабочих Отечества космос — поле и цех.

Н. АРТИУХОВ, секретарь Гагаринского горкома КПСС

«Всемерно развивать фундаментальные и прикладные научные исследования и быстрее внедрять их результаты в народное хозяйство.»

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

И ЖАР ХОЛОДНЫХ ЧИСЛ

Космодром предстартовый — с разных точек зрения: Ученый. «Приводится в движение машина, невероятная по объему. Большое количество техники, людей. Каждый уверен, что его дело самое важное».

Инженер. «Абсолютно педантично выполняется каждый параграф инструкции».

Космонавт. «Трудятся так, словно готовят этот корабль для себя...»

В непрерывно срочной работе наступает однажды переломный момент: когда космодром, эта гигантская машина, превращается как бы в единый живой организм. Он трудно уловим, как в любом творчестве. Над ровной степью будто проносится ветер всеобщего воодушевления. Сутки теперь сливаются с сутками, жизнь каждого — от академика до рабочего — подчинена четкому пульсу графика, мертвые части механизмов обретают вид жилого корабля. И определена заранее секунда наивысшего напряжения — старт! — после которой все, что накопилось на душе, разряжается краткой по-мужски командой: «Закурить!»

Последнее, что видит космонавт на Земле, — тяжелые цепи на поясе монтажника, закрывающего люк. Успевает лишь подумать, что вот сейчас символически разорвутся эти цепи притяжения... А внизу остаются те, для кого взлетная полоса юности обратилась в «стартовый стол» полигона. Мы называем их — главенствующих в строгом графике запуска — ракетчиками.

Молодость многих знаменитых ракетчиков вознесена бесшумными крыльями планеров, простроена гулом самолетов — авиационная молодость страны. Гул винтов становился все более мощным, предвещая суровые времена; перед самой войной работали без выходных. Разные пути вели к космодрому — завод, кафедра, конструкторское бюро, фронт. А вспоминают все одно и то же: первый полет своей конструкции — будь то планер или первый реактивный истребитель. Немребима в памяти эта радость трепещущих крыльев. Не потому ли спустя годы в тревожные, критические минуты будут чувствовать себя эти люди спутниками и лунниками, летящими в тысячах километрах от Земли, живыми кораблями с живыми людьми, которых надо приземлить в расчетной точке...

Вот они перед нами — бывшие рабочие, ныне руководители, Герои Труда, лауреаты Ленинской премии, ученые высших научных степеней, но считающие себя по-прежнему работягами-инженерами. Это так: на них, в будничных костюмах без орденов и звезд, на них, руководителей, коммунистов, ежедневно с пристрастием смотрят товарищи. И естественно, что одна из причин революционности новой техники — неистовая увлеченность тысяч и тысяч своей профессией. Вслушиваемся в голоса, составляющие вкупе как бы коллективный откровенный монолог: «Любимое дело! Работа. Это, если

хотите, игра до самозабвения, драка, честное сражение. Любая идея проверяется на выживаемость, человек — на личную смелость. Из вороха предложений в процессе синтезирования машины и возникает то здоровое ядро, которое начинает разрабатываться и поддерживается потом коллективом. Видели бы вы, как живут наши люди кораблем, буквально вкладывают в него душу, — поражаешься содержательности их жизни... Сергей Павлович Королев своим примером показал, как силой воли можно добиться осуществления мечты...»

Среди эпизодов память сохранила давнее воскресенье. Назначено совещание у С. П. Королева. В кабинете — непривычная тишина: не дергают телефонные звонки, не носят бумаги, не шумит завод. Очень воскресное воскресенье. Человек десять ведут спокойный разговор. Обсуждается вопрос стыковки космических кораблей. Один из молодых инженеров потом долго не мог прийти в себя. Новый проект казался ему, мягко говоря, фантастическим. А через несколько лет он услышал слова Алексея Елисея: «И тут вдруг из пустоты появляется точка... все растет... и в этом огромном пространстве корабли встречаются...»

Но вспомним, что всей планете потребовались сутки, чтобы оценить взлет первого в мире спутника, чтобы короткое сообщение ТАСС отозвалось научной

Фотография Земли, сделанная советской автоматической станцией «Зонд-7».

оценкой, поздравлениями, словами восторга. А «Восток»... Самим создателям корпус первого корабля в сборочном цехе казался рядом со спутниками громоздким инородным телом; им не верилось, что такая штуковина, которая собиралась на их глазах, может вдруг взлететь... А Королев уже ведет в цехе разговор с рабочими на «бытовую» тему: «Неважно, в жилье! Что ж, и «Восток» наш тесноват пока для человека. Но будем так же хорошо работать, как сейчас, будут у нас и корабли попросторнее и дома с удобными квартирами...» ...Новая техника под стать большому искусству неожиданно расширила спектр человеческих чувств. Полистаем страницы космической хроники, вчитаемся в рассказ любого космонавта, как он там, в вышине, наблюдая наглядно географию нашего шара, остро чувствует отрыв от Земли, как, проносясь над нитями городских улиц, вспоминает старушек, боязливо косящихся на автомобиль, — мы с новой силой откроем для себя, что значит свежий ветер, чистая вода, все запахи земли, гаринское «счастье просто жить».

Хорошо сказал К. П. Феоктистов:

— Вообще здорово повезло нашему поколению: всем нам пришлось участвовать в великих делах. Подумаем: а что мы сможем сделать — соизмеримое этому!

Е. ВЕЛТИСТОВ

В этом выпуске, посвященном 10-летию полета первого в мире космонавта, с читателями и слушателями «Кругозора» беседуют: ученые, космонавты, инженеры, конструкторы, рабочие, участвовавшие в создании космических кораблей.

Они знакомят нас с историей и делами предприятия, одного из многих в ракетно-космической индустрии, предприятия заслуженного, отмеченного орденами Ленина, прославившего нашу страну первыми спутниками и лунниками, кораблями «Восток» и «Союз». Это предприятие в числе других осуществляет намеченные партией задачи научных космических работ в новом пятилетии.

Рассказы этих людей, помещенные на звуковых страницах, представляют собой как бы единое повествование.

С. П. Королев на пункте связи. Между Землей и небом отличная слышимость.

С. П. Королев с Ю. А. Гагариным перед запуском «Востока-1».

Ю. А. Гагарин, 1961 год. Фото Я. Рюмкина.

Учитель и ученик. Воспоминания о Ю. А. Гагарине и С. П. Королеве. Слушайте 3-ю и 4-ю звуковые страницы.

Ярослав ГОЛОВАНОВ

Из хроники «Королев»

Королева приняли в МВТУ сразу на третий курс, когда как раз начинали читать специальные дисциплины. После «абстрактных» лекций в КПИ по математике, физике, химии и сопромату одни названия этих курсов: «Динамика полета», «Аэродинамический расчет самолета» — звучали для Сергея, как музыка...

Уже в первую неделю Королев явился в АКНЕЖ (академический кружок имени Н. Е. Жуковского, который был прообразом студенческих научно-технических обществ нашего времени), потом разыскал на своем факультете студента Владимира Титова, директора самостоятельной планерной

**эта
жажда
полета**

**улыбка
землянина**

Николай ШУНДИК

Я часто бываю там, где приземлился Юрий Гагарин. Совсем недалеко от Саратова стоит памятный обелиск. Когда подходил к обелиску впервые, невольно замедлил шаг. Потом остановился, будто вдруг осознал: не положено мне ступать на эту землю без того пропуска, который сам себе выдаешь после сложной душевной подготовки.

Первым за всю жизнь человечества юный улыбчивый землянин одолел самую неодолимую до тех пор силу земного притяжения, побывал там, где нет не только земли, но и всего, что имеет к ней хоть малейшее отношение: ни пылинки ее, ни глотка воздуха. По мистическим представлениям человек заглянул в потусторонний мир. По тем же воззрениям его возвращение должно было стать началом легенды, если так можно выразиться, не ниже библейского ранга.

школы, и тут же записался на летное отделение. Теперь каждое воскресенье ранним утром мчался он на Павелецкий вокзал и уезжал в Горки Ленинские — на планерную станцию. На Павелецком надо было так подгадать поезд, чтобы к десяти утра всем быть у штаба. «Штаб» помещался в избе дяди Вани Потатуева. Старик любил планеристов, иногда выставлял котелок картошки и поил чаем. Чай был очень истати: зима в тот год была ранняя — с начала декабря московские извозчики уже пересели на сани — и холодная. А между собой клятвенно договорились: полеты отменяются при морозе более 26 градусов и во время бурь. Никаких бурь в помине не было, и мороз тоже силы такой не набрал, так что летали всегда. В Горках командовали инструкторы Карл Михайлович Венслав, Анатолий Александрович Сеньнов и Владимир

Георгиевич Гараканидзе. От них все зависело: полетишь или с амортизаторами целый день бегать будешь, а если полетишь — на чем полетишь. Прозвола, впрочем, никакого не было. Гараканидзе вместе с Венславом и Андреем Юмашевым составили толковую программу полетов, где все было четко расписано. Но все равно инструктор — хозяин.

Планеры лежали в сарае того же авиационного мецената дяди Вани Потатуева. Планеров было немного: учебный «Пегас», привезенный в 1925 году из Германии, — подарок немецких планеристов; учебный «Старайся вверх» Ромейко-Гурко, — упорное его нежелание летать быстро закрепило за ним прозвище «стремимся вниз»; рекордный планер Чесалова «Закавказец»; планер Люшина и Толстых с фантастическим названием «Мастяжарт». Впрочем, расшифровывалось оно довольно просто: «Мастерские тяжелой артиллерии» — там строили этот планер.

Перед самым открытием планерной станции ударил мороз до 20 градусов, и думали, что начальство не приедет. Однако в воскресенье, 23 января, приехали все: гора прямо черная была от фигурок.

Быстро вытащили, собрали планеры.

эта жажда полета

улыбка землянина

Но Юрий Гагарин с точки зрения науки сделал нечто куда более значительное: став родоначальником космонавтики, конечно, он стал легендой. И у этой легенды реальная основа. Стою возле обелиска, смотрю и смотрю в небесную высь. Ну, что, что он испытал, этот обыкновенный и, что бы там ни говорили, теперь уже, после своего путешествия в небесную тайну, необыкновенный человек, когда вдруг одолел титаническую силу земного притяжения? Я задаю себе этот вопрос всякий раз, когда бываю на месте приземления. Сердце Гагарина, душа его, разум страстно желали возвращения на Землю и в то мгновение, когда он покидал ее.

Но я задаю и второй вопрос: ну, что, что он испытал после того, когда, побив небожителем, оказался снова на Земле, на этой самой Земле, которую и я хочу потрогать руками?.. Довелось мне увидеть первого свидетеля приземления Юрия Гагарина. Это пожилая женщина, жена лесника, оберегающего лесные полосы, Анна Тахтарова. Я надеялся, что если не до-

кучать ей вопросами, если найти к ней ключик, то замечу в ее глазах нечто такое, что станет моим маленьким открытием. Ведь эта женщина видела торжество землянина, вернувшегося на Землю, видела его в то мгновение, когда он, казалось, готов был взять в руки земной шар и прижать его к сердцу. В словах этой женщины я хотел почувствовать Гагарина в самом значительном, быть может, мгновении его жизни. И, кажется, я это почувствовал. «Я сначала испугалась, побежала от него, — чистосердечно призналась Анна Тахтарова, — а потом оглянулась, а он... улыбается». Вот, вот оно, именно то самое — улыбка землянина, знаменитая улыбка Юрия Гагарина! Она стала известна миру. Она как бы согрела людей, заставила задуматься о том, как чудесна планета Земля, как бережно к ней нужно относиться.

Улыбка Гагарина. Это уже стало одним из прекраснейших человеческих символов.

Не забыть мне улыбку и другого землянина, застенчивого, издичного человека, его задумчивую улыбку. У меня создалось впечатление, что Герман Титов волей-неволей теперь уже смотрит на все, что окружает его, как бы издалека. Этой дистанции он уже не может не соблюдать, потому что взгляд

До космоса он летал в небе Севера. Ю. А. Гагарин на закладке Государственного музея истории космонавтики в Калуге, 1961 г. Фото музея.

— Хороший планерист — это хороший летчик, — говорил, открывая торжества, второй заместитель наркомвоенмора С. С. Каменев. За ним выступал Базилевич:

— От детской забавы — к серьезной учебе, от планерного спорта — к самолету...

Изо рта командующего МВО шел пар. Было очень холодно, переминались с ноги на ногу, стучали валенками, терпели. Речи были энергичные и короткие. Сергей сокрушенно поглядывал на струйку дыма, поднимающегося над домом дяди Вани Потатуева: летать при таком безветрии будет нелегко.

Опасения его подтвердились. Когда после речей начались полеты, «Старайся вверх» с Сапрыкиным так и не сумел оторваться от наста. Сапрыкина сменил сам (!) Арцулов, но планер не полетел. Это был конфуз. Положе-

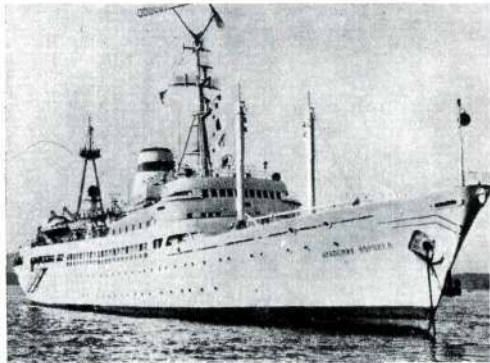

С. П. Королев и М. В. Келдыш. В сборочном цехе (фото из архива М. Н. Валаниной).

С. П. Королев в один из воскресных дней (фото из архива М. Н. Валаниной).

Научно-исследовательское судно «Академик Королев».

ние спас «Закавказец». Он взмыл быстро и плавно пошел под горку на поле, где в дровнях кутались в тулупы замерзшие врачи. Программа торжества была выполнена вся, за исключением одного пункта: не было Гараканидзе. Он должен был прилететь из Москвы на воздушном шаре и торжественно передать его первому Всесоюзному съезду Осоавиахима. И не прилетел. ▶

на родную землю с космической высотой одарил его каким-то новым, особым зрением. Конечно же, это не отчужденность, не отстраненность. Наоборот, казалось, что все существующее на Земле для Германа Титова, как и для каждого из его друзей-космонавтов, стало еще дороже. А вместе с этим у меня не пропадало чувство, что собран этот человек до предела, все время как бы ищет наиболее удобное «приземление». Не оступиться, не

допустить фальши, а отсюда такт в шутке, естественное проявление достоинства, никакой позы, демонстрации своей исключительности.

Вот почему захотелось мне в размышлениях о наших славных космонавтах прежде всего подчеркнуть эту маленькую деталь.

Пусть теплее станет честным людям на Земле от их улыбки.

Саратов

Для нас, космонавтов, ученические слова Циолковского об освоении космоса всегда будут программными, всегда будут звать вперед.

Титов
24.5.64.

► Все решили, что шар спустился где-нибудь на поллуги.

В проезде Сергей с ребятами дышали на заиндевшие окна и в маленькие глаза оглядывали окрестные поля: не видно ли Гараканидзе? Шара и пилота нигде не было.

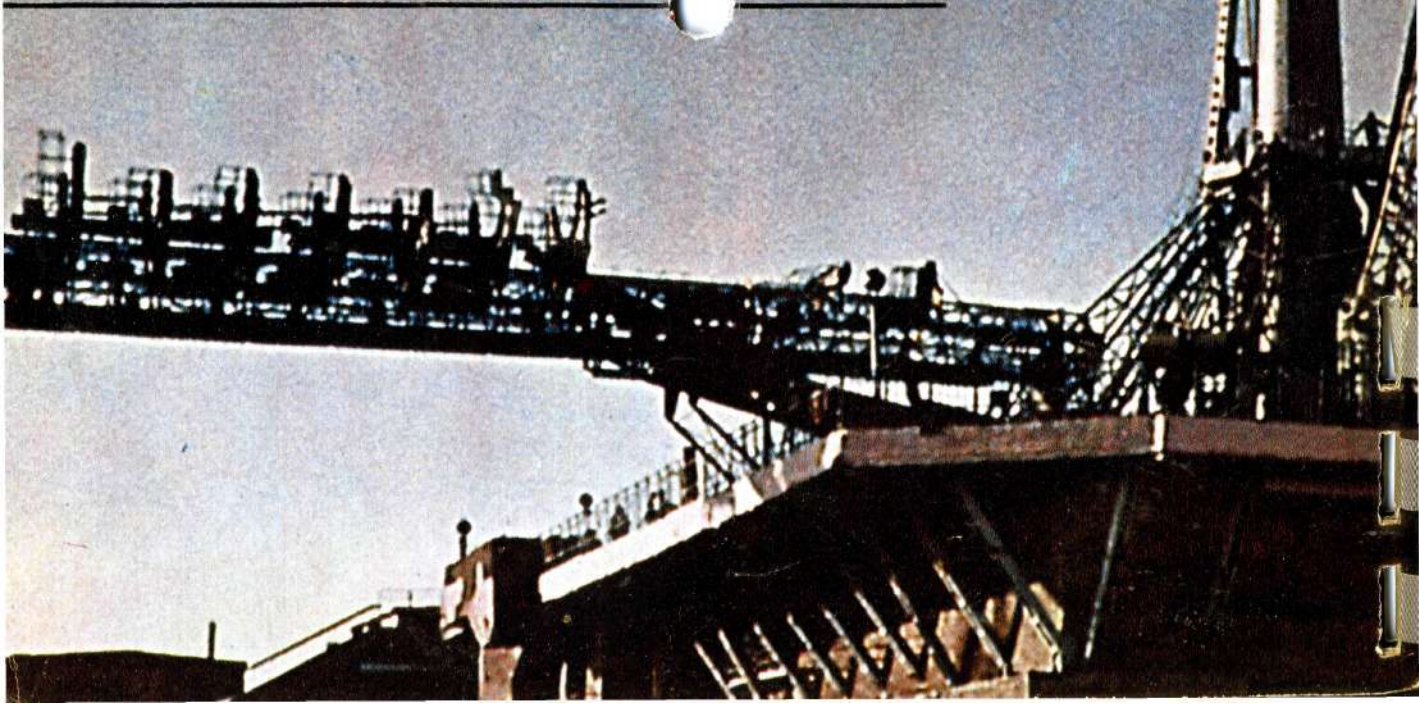
Его не нашли ни на следующий день, ни через два дня, ни через три. О необыкновенном случае этом писали в газетах, просили каждого, кто видел какой-либо летающий предмет, похожий на шар, немедленно сообщить в Москву. Был только один сигнал: шар видели где-то в районе Вербилон на довольно большой высоте. Установили, что Гараканидзе перед стартом ради облегчения шара снял корзину и полетел, сидя просто на дощечке, как на качелях, в тонкой шинельке и сапогах. Все уже считали его погибшим, когда на шестой день поисков пришла телеграмма со станции Шарья Северо-Двинской губернии: жив, здоров. Потом оказалось, что прямо со старта его подняло на высоту 700 мет-

ров и понесло. Где-то между Дмитровом и Тверью шар попал в ураган, его закрутило, и, как Гараканидзе удержался на своей дощечке при скорости до 100 километров в час, ему непостижимо. Потом стало темно. По шуму деревьев Гараканидзе понял, что шар снизился и летит над лесом. Утром он увидел избышки и сел на краю деревни. Погрузив свой шар, четыре дня на санях добирался до станции Шарья. Он установил мировой рекорд, пролетев за 15 часов 702 километра. Было 36 градусов мороза.

Может быть, эту почти трагикомическую с сегодняшней точки зрения и героическую с позиции тех лет историю и не нужно было бы вспоминать, если бы не одно обстоятельство: Владимир Георгиевич Гараканидзе — первый планерный учитель Сергея Павловича Королева. Это был влюбленный в авиацию человек, настоящий романтик неба, для которого слова «полет человека» звучали так чисто, звонко и волнующе, как мы, приученные к доступности «ТУ» и «ИЛ», уже не слышим их. И он сумел заразить ученика этой жадной полета, которую Королев не мог утолить всю жизнь.

Две части хроники «Королев» будут напечатаны в журнале «Новый мир».

эта жажда полета

*Сработав одна за другой,
ракетные ступени вывели
на орбиту
первый спутник
и корабль «Союз».
Ступени научного поиска
поднимают нас
над незнанием,
поднимают к истине.
«Ступени» —
название песни-хроники
на первой звуковой странице
Пророчество
К. Э. Циолковского
о близости заатмосферных
путешествий,
пробившееся сквозь
стартовый рев
гагаринское «Поехали!»,
выход человека в космос,
голос Чайки с орбиты —
на этой странице.
Вы услышите и рассказ
одного из очевидцев
космических запусков
(пятая звуковая страница).*

Космодром.
Ракета на стартовом столе.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

АПРЕЛЬ 1961 ГОДА

Наконец-то! Первое свиданье
Не в утопии, не в царстве грез.
Сильный человек и мирозданье
Встретились надолго и всерьез.
И глядят, глядят они друг другу
В зорние, веселые глаза —
Там, где только звезды шли по кругу,
Там, где не гуляла и гроза,
Там, где только мгла и холод волчий,
Только черный бархат пустоты, —
Человек и мирозданье молча
Перешли, как равные, на «ты».
Сколько неизвестных и опасных
Перевалов сделано впотьмах!
Сколько честных проб и формул ясных
Прочно отчеканилось в умах!
Как мужали замыслы, как зрели...
Вот оно! Свершилось. Удалось.
И для нас двенадцатым апреля
Раннее утро назвалось.
Наш народ за то вам благодарен
И за то полюбит вас навеки,
Юрий Алексеевич Гагарин,
Необыкновенный человек,
Что вы шли в пространство мировое,
Как идут в атаку, в полный рост.
И когда, завидуя и воя,
Скорость звука поджимала хвост;
И когда земное тяготенье
Шло на убыль и сошло на нет
И Земля, подернутая тенью,
Стала только ближней из планет;
И когда над Африкою утро
Резко вам ударило в глаза
И звучал в кабине вашей утлой
Резкий пеленг: «Взять на тормоза», —
Вы не знали страха и унынья,
По-солдатски подвиг отслужив.
Будет ваше мужество отныне
Эталоном жизни тем, кто жив.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Валя, Валя, Валенька —
Так звенит проталинка,
Здравствуй, тоненький ледок,
Здравствуй, Звездный городок!
Выходило слово к слову.
— Здравствуй, Валя Терешкова,
Дорогая, милая,
Чайка сизокрылая!

Ты летела к звездам близко,
Звездам кланялася низко.
Раскрывали звезды очи
И желали доброй ночи
Всей земле с лесами росными,
Всей земле с морями грозными.
Полюбили звезды Валю —
Звездославой называли.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

От стойбища до города —
мир смотрит вверх,
вновь и вновь
запрокинул голову
двадцатый век.
У века хватит зоркости
постичь разгон.
Слова из невесомости
весомей гор!

Леонид МАРТЫНОВ

Многое
Связано
С именем Ленина —
Подвиги славные,
Улицы главные...

Может быть,
Будущие поколения
Сделают образ великого Ленина
Явственным и за земными пределами,
И превратятся в понятия
межзвездные

Мысли и чувства Владимира Ленина,
Те или эти его размышления
И для соседей по космосу ценные.

К прописям: Ленин и человечество
Четко прибавятся:
Он и Вселенная.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

КОСМОНАВТУ

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой
Москвой
Впервые новичкам из поколения
Давали старт на вылет боевой, —

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век, —
Там тоже, отправляясь на задание,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетали не в ракете
И не сравнить с твоею высотой,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывались черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещает целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов,
ни флагов
Не стоил подвиг в будний день
войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы — родные
братья,
И не в долгу у старших младший
брат.
Я лишь к тому, что всей своею
статью

Ты так похож на тех моих ребят.
И выправкой, и складкой губ,
и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем
лбу...
Как будто миру — со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблести тех, чей день погас
бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

Рисунки А. Гамбурга

Игнажды В летний день

Профессор Б. Е. ЕВСЕЕВ

Капитан Г. Я. Бахчиванджи в грозные годы Великой Отечественной войны сбил немало самолетов противника. На испытаниях истребителя «ВИ» в 1942 году летчик преодолел звуковой барьер.

Был летний день, когда мы собрались на подмосковном аэродроме встречать Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова. Они летели из района приземления. «Союз-9», как известно, хорошо отработанный пилотируемый корабль, однако конструктор всегда волнуется больше обычного, потому что слишком много знает о своем корабле. 18-суточный полет «Союза» прошел на редкость спокойно; центр управления, пункты связи, корабль, самолеты, спутники «Молния» — все работало четко, слаженно.

Ждем «ИЛ-18» с космонавтами. Я смотрю на товарищей и думаю, что, пожалуй, я единственный, кто был на таком же аэродроме 33 года назад. Память раскручивалась кинематографически. Теплый день августа 1937 года. На стартовой горке новый «Н-209», окрашенный в ярко-оранжевый «арктический» цвет. Самолет взревел всеми своими четырьмя тысячами лошадиных сил, долго разбежался, оторвался от земли в самом конце аэродрома. Мощный, красивый, он был задуман как головной в серии скоростных высотных бомбардировщиков конструкции Виктора Федоровича Болховитинова. Полет через Северный полюс на Аляску. Командир — один из первых Героев Советского Союза, знаменитый полярный летчик Сигизмунд Александрович Леваневский. С экипажем я провел много дней, был в последнем пятичасовом испытании, отвечая в полете за радио-электроборудование. И вот машина в пути; прошла бессонная ночь... У меня в памяти радиопрограмма с борта от 13 августа: пролетаем полюс, достался он нам трудно... А через час Леваневский вызвал Москву вне расписания; отказал правый крайний...

Что случилось дальше, примерно в двухстах километрах за полюсом? Информации тогда передавалась медленно — телеграфным ключом. Причина гибели «Н-209» осталась загадкой.

В тяжелое военное время, когда «юнkersы» почти безнаказанно летали над нашей территорией, мы разработали самолет-перехватчик

«ВИ» — ближний истребитель — конструкции В. Ф. Болховитинова. Аэродром — на этот раз за Уралом. Капитан Г. Я. Бахчиванджи, боевой летчик, отозванный с фронта, развивает в 1942 году на новом самолете невиданную скорость — около восьмисот километров в час. 27 марта 1943 года Бахчиванджи в очередном полете развил максимальную скорость, и тут что-то случилось с летчиком или управлением. Самолет вошел в пики, врезался в землю. Первый человек, взлетевший на самолете-ракете, погиб. Вскоре мы поняли, что самолет такого типа не успеет существенно повлиять на ход войны, и мы переклонились на другие задачи.

Но именно «ВИ» сыграл свою роль в жизни многих инженеров и конструкторов, в том числе и в моей: мы стали ракетчиками. Через пятнадцать лет после первого ракетного полета Бахчиванджи, уже не на

аэродроме, а на полигоне, в горячий летний день готовим к пуску новую ракету.

Сделано все, чтобы загадок по возможности не было: новая техника позволяет следить за полетом.

Конечно, создание такой ракеты не могло быть прерогативой небольшой группы людей. Была проделана колоссальная работа, сравнимая, пожалуй, лишь с овладением атомной энергией. Проблема рождения новейшей отрасли техники артадилась на стыке авиации, артиллерии, радиоэлектроники, новейших достижений приборостроения, машиностроения, химии... В ракетную промышленность включились ученые и организаторы, институты, заводы.

И вот сообщение ТАСС о создании и испытании первой межконтинентальной баллистической ракеты. А еще через несколько месяцев — запуск первого спутника. Ракетная техника отныне стала ракетно-космической.

Многие проблемы изучения космоса требуют комплексных исследований, совместных усилий ученых разных стран. В 1967 году была принята программа сотрудничества социалистических стран в области космической физики, космической метеорологии и аэронавтики, космической связи, космической биологии и медицины. 14 октября 1969 года в Советском Союзе был запущен искусственный спутник «Интеркосмос-1» с приборами, сделанными в ГДР, ЧССР и СССР. Затем на орбиту были выведены еще три спутника с приставкой «интер» в своем названии. Их полетом управляет оперативная группа специалистов социалистических стран. Комплексные наблюдения наземными средствами ведут обсерватории семи братских стран. Событием в нашем сотрудничестве был и запуск геофизической ракеты «Вертикаль-1» для зондирования

Академик Б. Н. ПЕТРОВ

ПЛАНЕТЕ, ЛЮДЯМ...

верхней атмосферы и околоземного космического пространства. Совместные эксперименты — одно из проявлений роста научно-технических связей Советского Союза и других стран социализма.

Развивается сотрудничество в изучении космоса и с другими государствами. Советские ученые участвуют в исследованиях, проводимых на международном ракетном полигоне «Терлс» в Индии. Совместно с Францией проводятся комплексные исследования в магнитно-сопряженных точках Земли (в Архангельской области и на острове Кергелен в Индийском океане), ракетные метеорологические исследования на французском полигоне в Ландах и на острове Хейса. На «Луноходе-1» установлен французский отражатель для лазерной локации Луны.

Интерес человека к небесным телам имеет земные причины. Изучая их, мы лучше постигаем планету, находим новые пути исследования и освоения ее богатств.

все ближе

Космос должен быть рентабельным. «Кругозор» попросил прокомментировать строки проекта Директив XXIV съезда партии по новому пятилетнему плану, касающиеся научных работ в космосе, ученых-космонавтов Константина Феоктистова, Виталия Севастьянова, Алексея Елисеева и профессора В. И. Викторова.

Доктор наук К. П. Феоктистов. Главный смысл программы космических работ, намеченных на 1971—1975 годы, мне видится в том, что эта программа приближает человечество к решению задачи, научно-технический и философский резонанс которой будет по своей значимости равен выходу на околоземную орбиту первого пилотируемого корабля. Эта задача — добиться, чтобы средства, затрачиваемые на освоение космоса; не только окупались, но и давали ощутимую прибыль. В проекте Директив партии говорится, что с помощью спутников, автоматических и пилотируемых аппаратов будет развиваться дальняя телефонно-телеграфная связь, телевидение, метеорологическое прогнозирование и изучение природных ресурсов, географические исследования, то есть уже сейчас, на начальном этапе освоения околоземного пространства, ученые и конструкторы направляются на решение как научных,

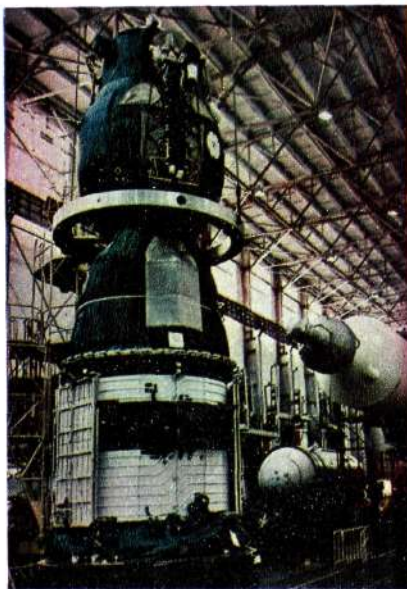
так и практических задач, которые пойдут на пользу народному хозяйству. Рентабельность космических работ — дело ближайшего будущего, но как по зернам можно предсказать, какие они дадут всходы, так по первым результатам, которые приносят метеорологические спутники, позволяющие регистрировать зарождение тайфунов, предсказывать дожди и снегопады во время сева и уборки, можно предугадать, какую пользу принесет человечеству практическое освоение космоса. А какие перспективы сулят навигационные спутники, помогающие ориентироваться морским судам и самолетам, спутники-ретрансляторы, расширяющие возможности радиосвязи и телевидения!..

Кандидат наук В. И. Севастьянов. Космос должен приносить пользу людям. Это генеральная линия развития космической техники в СССР — одна из задач новой пятилетки. Не полет ради полета, а исследование и освоение околоземного пространства интересует советского человека в первую очередь. Мы считаем, что человек должен выполнить функции освоения космоса, а исследовательские задачи надо возлагать на автоматы. Поэтому системы наших кораблей действуют таким образом, чтобы по возможности освободить че-

ловена от тех работ, которые с успехом могут быть возложены на автоматику. У любого советского пилотируемого корабля имеется беспилотный полностью автоматизированный аналог. Это создает хорошие предпосылки для развития автоматической космической техники вообще, то есть для развития космических автоматов как исследовательского, так и прикладного назначения. Последние запуски прекрасно оправдали нашу программу наступления на космос. И я убежден, что в ближайшее десятилетие окупятся средства, которые вложены в освоение космоса в прошедшем десятилетии, начавшемся с гагаринского полета.

Профессор В. И. Викторов. Я думаю, что в следующем десятилетии мы плохо будем себе представлять, как можно было жить без системы обслуживания с помощью спутников и других космических аппаратов. Годы сенсаций сменяются временем нормальной работы, темпы прогресса на первый взгляд как будто замедляются. Если в предыдущем десятилетии потрясающие достижения сыпались как из рога изобилия, то теперь в силу того, что мы уже многого добились, темпы освоения космоса внешне будут не столь быстрыми. Но это замедление кажущееся. Ведь одно дело сконструировать спутник весом в 60

килограммов, другое — весом в 6 тонн и третье — собрать в космосе орбитальную станцию. Это все равно что построить дом рядом с палашом. **Кандидат наук А. С. Елисеев.** Уже сейчас имеются различные космические специальности, а в связи с задачами по практическому освоению космоса в дальнейшем такая специализация будет углубляться. Появится разветвленная система космических профессий. Космонавт-инженер, хорошо знающий материальную часть корабля и умело ее эксплуатирующий. Специалист по космической сварке. Космонавт-метеоролог. Космонавт-геолог. Космонавт-астроном. Космонавт-врач. Словом, многие из земных профессий станут космическими. И для того чтобы практические работы в космосе производились с максимальной отдачей, целесообразно привлечь к работе грамотных космических специалистов, которые бы, с одной стороны, хорошо представляли себе условия полетов и работы в космическом пространстве, а с другой — были бы и мастерами своего дела.

«Союз» в монтажно-испытательном корпусе перед установкой на ракету. Отряд советских космонавтов собрался в ноябре 1969 года для фотосъемки по просьбе «Кругозора». Фото спец. корреспондента Л. Лазарева.

Суан ЗИЕУ

ПОЛЕТ НА ВЕНЕРУ

Звездой ты вечернею слыла,
Вход в ночь — сиянье твоего чела,
А временами, выплыв на Восток,
Мерцала ты, как утренний цветок...
Венера, бесконечно далека,
Плыла средь бесконечности в века.
По свету радость раздетелась мвиг:
Корабль советский той мечты достиг.

Серп, молот, пятилучная звезда
На вымпеле доставлены туда.
А на Венеру путь довольно прост:
Лишь триста пятьдесят миллионов верст!
То залп «Авроры», голос Октября,
С Землею и Вселенной говоря.

Заполыхав среди небесных тел,
Сегодня до Венеры долетел.
Вы, на рассвете вышедшие в путь,
На серп и молот можете взглянуть.
Влюбленные, советую я вам
Смотреть на небеса по вечерам.
Там разума и техники венец,
Предел мечты для молодых сердец,
Венера там с Октябрьским кораблем,
Планета тех, кто любит и влюблен.

Перевел с вьетнамского
Евг. Долматовский

Радован ЗОГОВИЧ

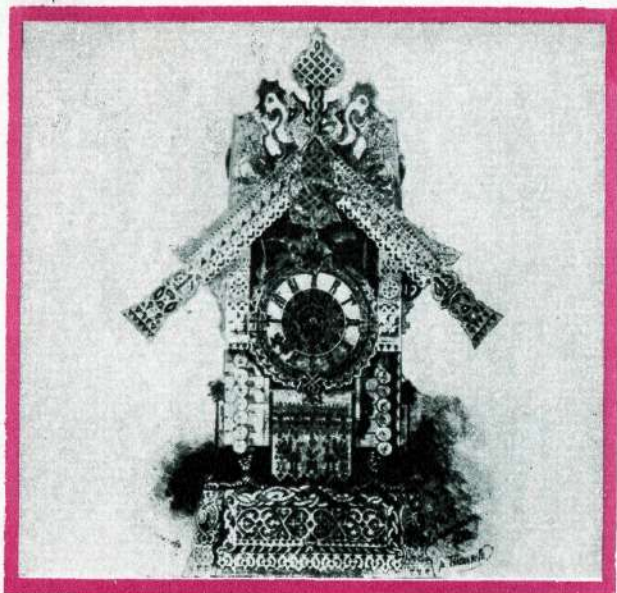
БЕССОННИЦА

Сейчас ты заснешь. Ты шепчешь:
«Спокойной ночи, Земля!»
Сегодня тебя баюкает вся земная трава.
А я не засну сегодня. Свежа моя голова.
Ты спи. А я повыключу уличную свету
И буду вдвоем с транзистором всю ночь стоять на посту.
Вращайся вокруг планеты.
Спи и во сне кружи.

Я в сердце моем берегу твой сон,
храню в глубине души.
Если мне тебя не хранить и
не беречь, любя,
Как же ты будешь там без меня,
а я — здесь без тебя?
Если я задремлю сейчас, не угляжу
за тобой,
Кто же разбудит утром тебя
в безмерности голубой?
Покуда я берегу твой сон,
тебя не коснется беда.
Неужто брошу, предам тебя,
одинокого, как звезда?
Выспался ты. Проснулся ты.
Ты протираешь глаза
И шепчешь: «Доброе утро, Земля!
Здравствуйте, небеса!»
Доброе утро! Сейчас и я посплю
свои два часа.

Перевел с сербохорватского
В. Слуцкий

Художник верит в будущее потому, что живет в нем.

М. Мусоргский

«Картинки с выставки» Мусоргского — сочинение удивительное, величественное, непревзойденно оригинальное, гениальное. И, как всякое открытие — в искусстве или науке, — синтезируя все наиболее ценное и истинное в прошлом, оно не только «глядит в будущее», не только «живет в нем», но и упирается в вечность.

Созданы были «Картинки с выставки» с поразительной быстротой, в течение неполных трех недель июня 1874 года, одного из самых плодотворных периодов в биографии Мусоргского: премьеры «Бориса Годунова» и работа над «Хованщиной». Мусоргский пишет В. В. Стасову: «Гартман кипит, как кипел Борис, звуки и мысли в воздухе повисли, глотаю и обедаюся, едва успеваю царапать на бумаге...»

По форме это цикл. Не сюита, как именуется порою современниками Мусоргского, а именно «цикл». Термин «цикл» сам по себе уже включает в свое наименование идеи множественности, архитектоники, синтеза, масштаба.

Мусоргский был человеком весьма образованным и начитанным, сам искал и находил разнообразнейшие источники сюжетов творчества и пищу уму и сердцу. Кроме общеизвестных и замечательных композиторов — создателей «Могучей кучки», В. В. Стасова и семей этого просвещенного круга, он обладал дружбой двух превосходных и высокоталантливых людей — художника-архитектора Виктора Александровича Гартмана и поэта Арсения Ар-

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МУЗЫКЕ МУСОРГСКОГО

Более сорока лет не сходило с концертных афиш имя Марии Вениаминовны Юдиной, профессора

Московской консерватории.

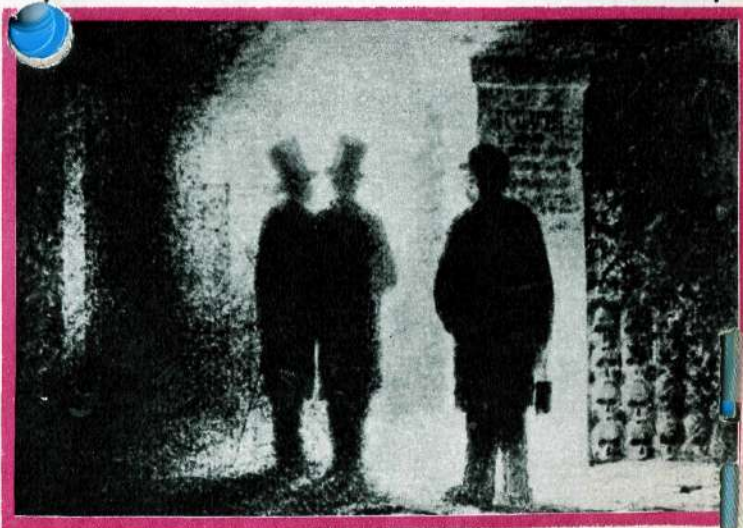
В ее исполнении мы слышали почти весь репертуар современного пианиста.

В конце прошлого года

Марии Вениаминовны не стало. Незадолго до смерти она прочитала перед микрофонами «Кругозора»

маленькую лекцию

о «Картинках с выставки» Мусоргского...

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

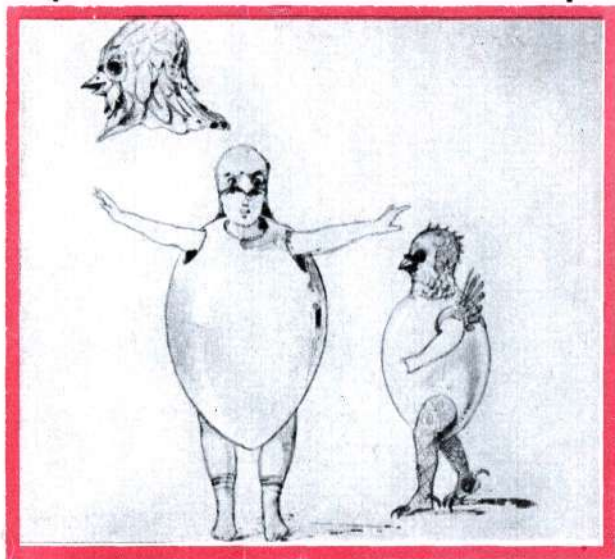

кадьевича Голенищева-Кутузова. Что есть дружба? Верность до гроба и обмен духовными дарами. Именно на стихи Голенищева-Кутузова сочинил Мусоргский свои великолепные вокальные циклы: сумрачный, глубинный, скажем, в духе Достоевского, «Вез солнца» и гениальнейшие «Песни и пляски смерти». А светлый, отрадный цикл «Детская» на собственные слова посвятил он Гартману. Гартман же, поистине «образцовая» личность, человек порядка, дисциплины, трудолюбия, архитектор-художник, иллюстратор, высоко оснащенный мастер, инженер, путешественник, притом совершавший и осуществлявший все с крылатостью пылкой фантазии — в сфере творческой, по складу ума и души — глубоко родственной своему мятежному бесценному другу, допоянявший его бурную, трагическую гениальность, русскую безбрежность своей западной точностью и мерой. «Вода и камень, лед и пламень».

Обратимся теперь непосредственно к «Картинкам с выставки». О них имеется мудрое, лаконичное высказывание Б. В. Асафьева (Игоря Глебова): «Картинки эти — душа вещей!»

Нам следует «прочитывать» и постигать их в символической, двухплановой системе знаков: что мы слышим, что

В. Гартман. «Картинки с выставки»: «Избушка на курьих ножках»; «Катакомбы»; «Богатырские ворота»; «Балет невылупившихся птенцов».

диктует нам наше воображение и какие смыслы стоят за этой реальной конкретностью.

Прежде всего неожиданно и абсолютно новы и паразитически «Прогулки», сопровождающие все произведение. Они модифицируются в зависимости от того, между какими картинками помещены. Они несут разнообразнейшие конструктивные, изобразительные и познавательные функции. В отношении же архитектоники «Прогулки» в наших «Картинках» могут быть обозначены тем явлением, которое архитекторы называют «шаг конструкции». Это и опора, и сцепление, и крепление, и ритмическая единица, и развитие во времени и пространстве, и «ордер», и «стиль», и вертикаль, колонна, пилястр, столб. А поскольку «столб», то и «столп». «Столп и утверждение истины...»

Без этой загадочной сущности «Прогулок» «Картинки» потеряли бы значительную долю своего величия, чисто музыкального, композиционного и смыслового. С одной стороны, мы почти точно изобразительно слышим и видим, как ступают по выставке посетители ее, как сходятся, расходятся, останавливаются, проходят мимо, недоумевают, иронизируют, смеются, восхищаются! С другой стороны, мы слышим в «Прогулках» своеобразную характерную, ладовую интонацию.

Вся музыка «Прогулок» создана Мусоргским на основе глубокого знания и более, нежели знания, на основе внутреннего и слухового обладания миром...

М. В. ЮДИНА

Рассказ о «Картинках с выставки» продолжается за роялем. Слушайте седьмую и восьмую звуковые страницы.

И отчего они, собственно, танцуют? Могли бы и пешком походить». Нет. Не могли бы. Необходимость запеть, пуститься в танец заложена в самой образной стихии мюзикла, в его «правилах игры». Припомним, как начинала звучать песня во многих кинокартинах 30—40-х годов. Фильм перед ней словно бы делал остановку, героиня (или герой) становились «исполнителями», и рождался вставной номер, дивертисмент. Мюзикл же бросается в пение, в танец без паузы. Без опереточного колена и привставания на цыпочки. Зарницы мюзикла можно заметить и на экране тридцатых годов. Вспомните, как взбирается по вантам к белым парусам шуны маленький Роберт Грант, как из самой патетики кадра — ветра, смелости, головокружительной высоты, кипения парусов и волн — вырывается песня о ветре... Как в «Волге-Волге» слиты воедино песня, работа, диковинная пляска лесорубов и это — «Эх, грянем сильнее!». Вспомните «Веселых ребят»... Все это частицы будущего мюзикла.

СОДРУЖЕСТВО МУЗ

Кинематограф никогда не церемонился с парнасскими музами. Еще младенцем он основательно перепугал Мельпомену и Талию, объявив им о неминуемой гибели театра. Он с упоением ворошил в кладовых поэзии и истории, шутя вальсировал с Терпсихорой. Из пьес и романов, поэм и комедий, балетов и опер легко кроил кинофильмы. Музы немели, роптали, шушукались, быть может, злились. А однажды, слетев на экран, они преподали заносчивому новичку урок музыкального изящества и вкуса. Вытащив из театральной шкатулки последнее сценическое изобретение — мюзикл, проткнули его через волшебный кинофонарь. Из статичности театра и динамики фильма возник кино-мюзикл. И это был скорее не новый жанр, а новый язык кино: пластика, танец, пение вместо житейской прозы. Один кинокритик саркастически заметил: «А с какой это радости все здесь поют? Могли бы и поговорить».

Киномюзикл стремится на улицу, в толпу. Его ритмика, хореография начисто лишены абстрактности. Его стихия — карнавал, фейерверк, ярмарка, суетлока, арена, массовка. Он исповедует экспрессию. Он представляет восклицательные знаки.

«Оливер!». В этом фильме страницы диккенсовской прозы остроумно передиктованы на язык киномюзикла. Каждый персонаж, можно сказать, музыкально «тонирован». Бытовые картины и эпизоды преобразены в хореографические сцены. Пляшет рынок, отбивая такт топорами мясников, потрясая окорками. Веселится и проказничает феджиновская голубятня, в которую слетелись отчаянные лондонские ворюшки. Грустит, вздыхает, стонет детскими голосенками сиротский приют, замерзший над мисками нищенского супа. Литературные характеры рождают вокальные партии: лихорадочные, азартные, хриплые речитативы Феджина, залихватские песенки карманников, нежные, ангельские арии невинного и доверчивого Оливера... Конечно, перед нами не роман Диккенса. Это его поющая и отплясывающая метафора. Я думаю, что великий англичанин не раз улыбнулся бы, смотря на экране «Оливера». В этом мюзикле много поддиккенсовски грустного, смешного и точного. Но не всегда взаимоотношения мюзикла с литературой кончаются успехом. «Пигмалион» — блестящая философская пьеса Бернарда Шоу. «Моя прекрасная леди» — очаровательный, изысканный киномюзикл. На экране из колючего Шоу сделали элегантное «шоу». Бесследно исчез, растаял глубокий социальный подтекст. Бесправная и нищая торговка Элиза Дулитл наяву никогда не превратится в «прекрасную леди». Мюзикл вовсе не легковесный жанр, и облегченность противопоставлена ему.

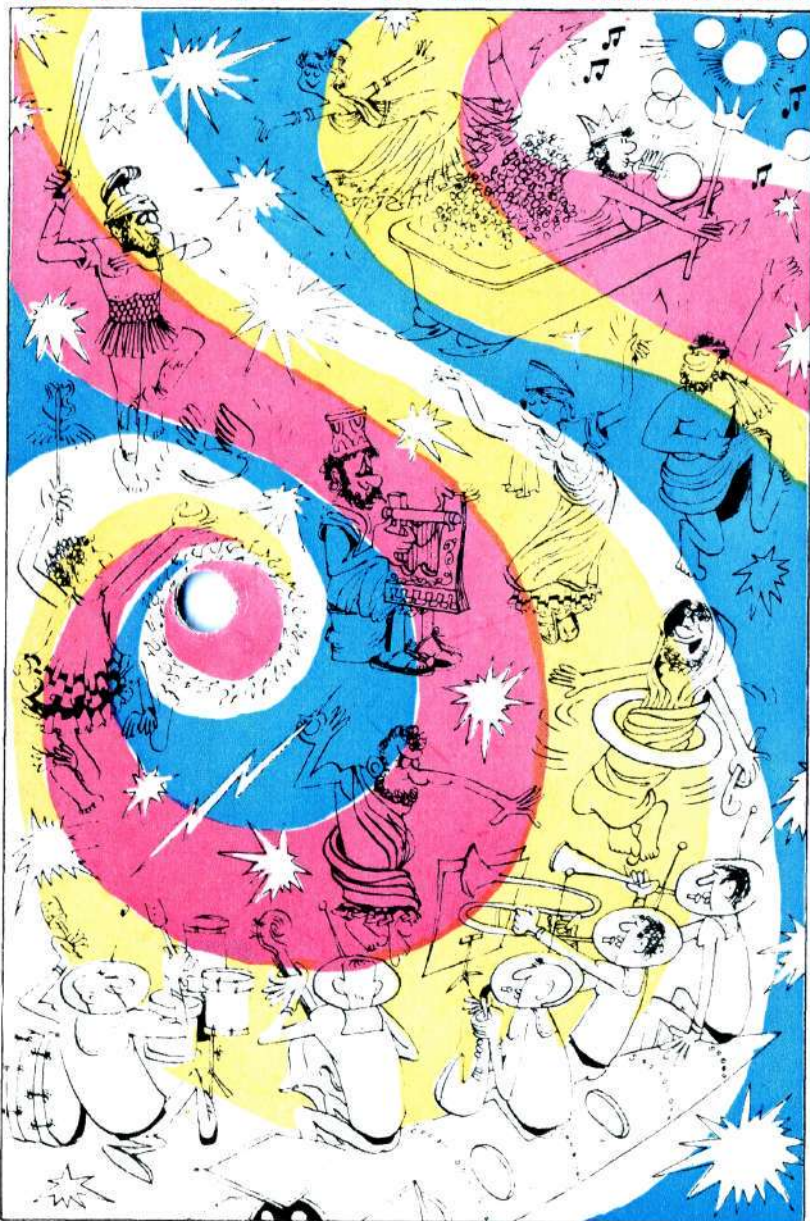
Ведь существует «Вестсайдская история» — один из самых острых и гневных фильмов современной Америки. Могущественные выразительные средства нового жанра только еще разворачиваются, набирают свою силу.

Андрей ЗОРКИЙ

«Кругозор» — космодрому»

Наши премьеры

На единственной звуковой странице журнала

Играет концертный эстрадный оркестр телевидения и радио.

Гараняя

«Внимание — старт!»

«Свет луны»

«Звездный хоровод»

Рисунком Е. Шабельника

СОЗВЕЗДИЕ ГАГАРИНА

Вы услышите две новые песни из цикла «Созвездие Гагарина», посвященного первому человеку Земли, поднявшемуся в космос. Гагарина любят все. И те, кто близко знал его и работал вместе с ним. И те, кто видел его удивительную улыбку.

Гагарин чувствовал музыку, понимал ее. Особенно ревниво относился к песням о летчиках. Песни о небе, считал он, должны петь все.

Сын Земли — он любил небо. Любил преданно и деятельно. Когда-нибудь совокупность книг, портретов, кинолент создаст достойный памятник Герою.

А песни — пусть будут просто воспоминанием о нем, пусть прозвучат как благодарность судьбе за то, что она познакомила нас с этим незабываемым человеком.

Александра ПАХМУТОВА

Ю. А. Гагарин и А. Н. Пахмутова. Гурзуф. 1966 год.

Фото В. Криворученко

Кругозор

4 (85) апрель 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

слушайте

В

номере

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
1 РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки рисунок
Е. Цвика
«Восход звезды».

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор
2/III 1971 г.
В 05574. Подп. к печ.
23/III 1971 г. Формат
бумаги 60 × 84/16.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 646. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
ордена Октябрьской
Революции
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1. Голоса нашей биографии. «Ступени». Песня-хроника. Звуковые автографы К. Э. Циолковского, Ю. А. Гагарина, репортажи с орбиты, управление «Луноходом». Автор — Б. Вахнюк.

2. «Как рождаются корабли». Говорят ученые, инженеры, рабочие — создатели «Востока» и «Союза».

3—4. Учитель и ученик. Воспоминания о С. П. Королеве и Ю. А. Гагарине. Записи 1971 года.

5. Незабываемый апрель. Мысли о будущем. Интервью профессора М. Васильева.

6. Наши премьеры. Из нового цикла А. Пахмутовой на стихи Н. Добронравова: «Как нас Юра в полет провожал», «Созвездие Гагарина». Поет И. Кобзон.

7—8. Урок классики. Профессор М. В. Юдина исполняет «Картинки с выставки» М. Мусоргского.

9. Первая пластинка певицы Л. Ивановой. Старинный русский романс «Лотос» и песня словацких цыган «Имар мэ» в сопровождении скрипки (А. Якулов) и гитар (В. Дубовицкий, А. Якушев).

10. Поющий экран. Сцены из кинофильма «Оливер!».

11. «Кругозор» — космодрому: «Внимание — старт!», «Свет луны», «Звездный хоровод». Космические ритмы в исполнении оркестра. Композитор Г. Гараян. Дирижер В. Людвиговский.

12. Эстрада планеты. Поет Адриано Челентано (Италия). «Человек рождается», «Мы самая счастливая пара», «Зимняя лирика».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

...е произошло отчасти по воле случая, хотя, если разобраться, ничего случайного в этой истории нет. Было так: Леонора Иванова попала в студию фирмы «Мелодия». Шла запись. Леонора решила попробовать, как ложится на пленку и ее голос. Включили аппараты...

Скоро фирма «Мелодия» выпускает пластинку Леоноры. И есть основания предположить, что вновь открытый голос понравится слушателям.

Леоноре 27 лет. Она окончила музыкальное училище по классу фортепиано, была концертмейстером в Тульской филармонии, работала в цирке («В цирке мы с мужем были белыми воронами — мы пели»), выступала с ансамблем Лаца Олаха. Затем — Ленинградский мюзик-холл.

В длинном черном платье она сидит за роялем. Задник на сцене экранно бел. Луч прожектора выхватывал из сумрака руки, лицо. Начинала играть на рояле. Вступал оркестр. Она поднималась, шла к рампе. Голос густой и словно создан для мелодий глубоких, страстных.

— Просто петь я не могу, — говорит Л. Иванова. — Я бы запела Баха — готова к этому внутренне... Есть много романсов, но я привередничаю. Из настоящего?.. «Ямщик, не гони лошадей...»

**СЛУЧАЙ
НА
ЗАПИСИ**

У меня получились здесь, как мне кажется, интересные вокализы. И народные цыганские. Привлекают не общеизвестные, а те, что почти забыты. Какой там текст, боже мой! Что такое «Имар мэ»? Как бы это перевести?.. Это песня словацких цыган. Сейчас, сейчас... Играет девушка, а почему она играет? Потому что она меня любит... Так, приблизительно. По-цыгански это, с ума сойти можно, как звучит!..

Она мечтает петь с ансамблем, где были бы скрипка, альт, цимбалы, контрабас со смычком, возможно, флейта или другой какой-нибудь мягкой духовой инструмент.

— Вы слышали белорусских «Песняров»? — спрашивает Леонора. — Это прекрасно. Чисто, спокойно, мягко... Ах, как бы я так хотела...

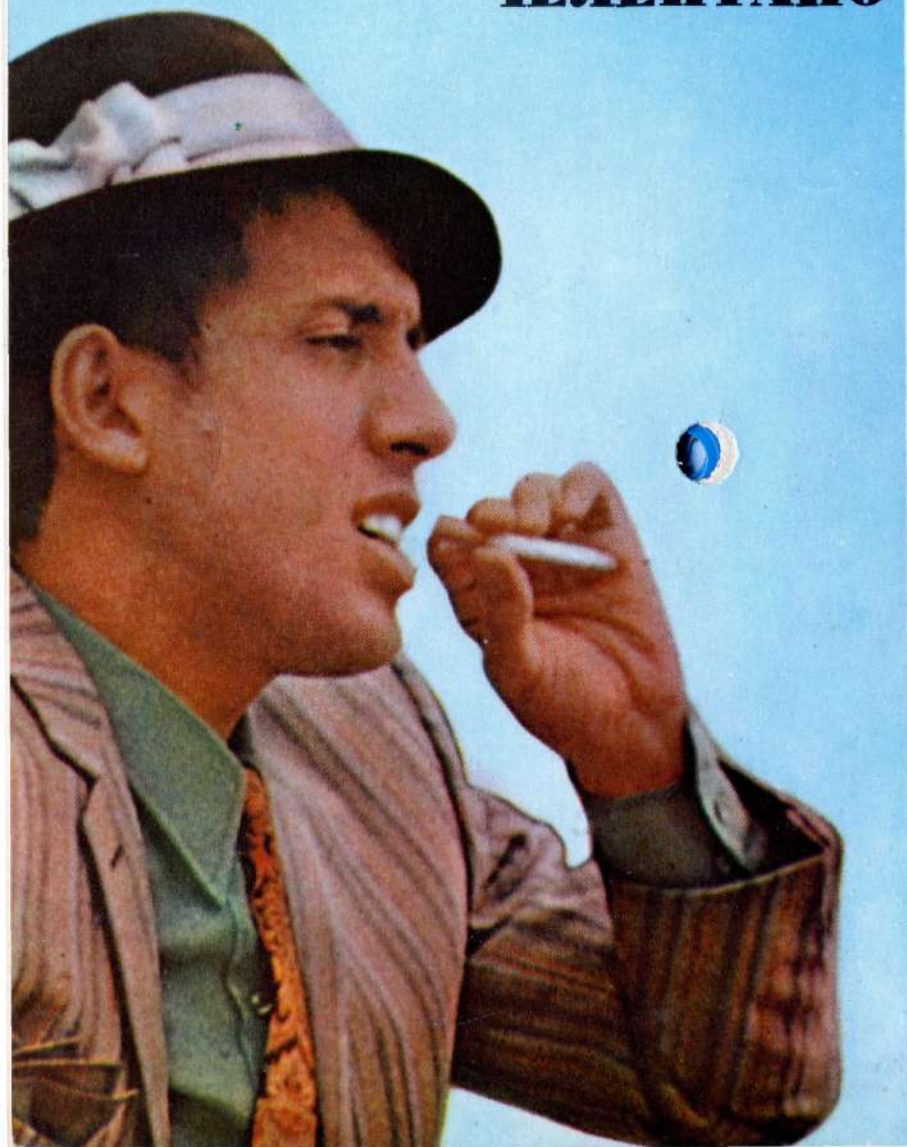
Сейчас Леонора работает в театре «Ромэн». Репетирует первую роль, учится актерскому мастерству. Все в ее жизни словно начинается...

— Восемь лет актерских скитаний... будто даром ушли, — размышляет она. — Нет, конечно, не даром. Но возможности раскрыться не было. А сейчас обстоятельства складываются удачно...

Алексей
ИВКИН

ПЕРВАЯ
НОТА

АДРИАНО ЧЕЛЕНТАНО

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Италия

Двенадцать лет подряд Адриано Челентано находится в числе самых популярных эстрадных певцов Италии. Год назад, после очередной победы Адриано на крупнейшем исполнительском конкурсе в Сан-Ремо, корреспонденты обратились к нему с вопросом:

— В чем секрет вашей популярности?

— Никогда не задумывался над этим, — ответил певец. — Возможно, если бы я знал какие-нибудь секреты, успех никогда бы не пришел ко мне...

Итак, Челентано, «Сеньор Буф», как его именует пресса, или просто Адриано, как по-свойски зовут его итальянцы в trattориях, в автобусах, на улицах и площадях — везде, где расппевают его песенки, вторя транзисторам, радуясь веселой раскрепощенности мелодий, бесхитростной простоте знакомых каждому слов. Челентано, способный разезжать по улицам Рима, облачившись в костюм петушинных цветов, сидя за рулем модернизированного «пежо» образца 1908 года. Челентано, способный бисировать до изнеможения и петь, петь, петь со вторящим ему эолом...

Челентано родился в январе 1938 года в Милане. Мальчишкой он работал в часовой мастерской у своего дяди и, возможно, остановил бы свой выбор на профессии часовщика, если бы не успех, выпавший на его долю в любительском спонтанле-водевиле, где Адриано покорила зрителей уморительным пародированием модного в те годы певца Луи Прима, на которого был внешне похож. Его начали приглашать на самостоятельные конкурсы, и в 1959 году он исполнил два своих первых «шлягера».

С тех пор Адриано бесменно находится на авансцене итальянской эстрадной песни. Он выступает по телевидению, радио, снимается в кино. Федерико Феллини приглашает Челентано на одну из ролей в «Сладкой жизни». Пьетро Джерми поручает ему главную роль в «Серафино», где певец сыграл простоватого молодого пастуха Серафино Флорина (картина продемонстрировалась в Москве на последнем Московском международном кинофестивале).

И хотя Челентано много работает в кино и даже сам поставил фильм, прежде всего он певец. Его песни с годами все серьезнее. «Высший долг артиста — протестовать против несправедливости», — говорит Челентано.

Александр МАРЬЯМОВ

Цена 1 руб.